

возрастать с каждым днем, как неизмеримый морской песок, и они кружились около них постоянно. Но народ Божий пел: «Господи, как много у меня врагов! Многие восстают на меня: многие говорят о душе моей: "Нет ему спасения от Бога!" Ты же, Господи, щит, охраняющий меня; ты слава моя» (Псал., 3, 2 и др.). Несмотря на то что неприятель окружал их, как волки овец, они продолжали пачатую дорогу. Но едва они тронулись, как тронулся и неприятель. Так они вступили в Романию, пустынную, непроходимую и безводную страну, а их мешки были уже пусты: у них не было больше съестных припасов. Некоторые, еще в эпоху изобилия, наготовили себе медовых хлебов и могли кое-как существовать. Те же, которые не позаботились о том, питались кониной и кореньями или умирали от голода: когда у них не хватало сил идти, они падали лицом на землю, чтобы ожидать мученической смерти во имя Божие. Неприятель бросался на таких и на глазах всех без сострадания умерщвлял. В то же время обнаружился недостаток и выючных животных, отчасти по отсутствию корма, а также и потому, что их употребили в пищу; вследствие того многие знатные люди, не привыкшие к тягостям похода, принуждены были идти по целым дням пешком и благодарили Бога. Войско же было расположено так, что пешие и слабые люди помещались в центре; а конница, ограждая их от неприятеля, занимала правое и левое крыло. Иногда они сами нападали на врага и умерщвляли его в порядочном числе, однажды до 5000; но и турки не переставали их преследовать. Но «праведный должен много терпеть, Господь же его во всем поддержит», а потому и десница Божия не ослабевала над ними и даже укрепляла их во всем. Они страдали, как наказуемые, но не как смущенные, даже до смерти: им было горестно, но дух бодрствовал в них. Император, хотя и был уверен в коварстве греков, однако отпустил заложников со словами: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим., 12, 19). После того они вошли в обширную пустыню, где два дня прострадали от безводья. В Троицу подошли к Иконию, главному городу турок, и

раскинули лагерь около него в садах, где подкрепили себя кореньями, отрубными в окрестностях, так что души их наслаждались, как в раю.

34. Когда, таким образом, проголодавшийся Божий народ порядочно подкрепил себя пищей и думал, что наконец после тяжелых трудов наступит теперь благодетельный отдых и невзгоды войны сменятся радостью мира, сын неправды, сын Саладина, зять султана (Иконийского) приказал сказать императору: «Если ты желаешь иметь свободный проход через мою страну, то должен мне заплатить за каждого из своих по одному византийскому золотому. В противном случае знай, что я нападу на тебя с оружием в руках и самого тебя с твоими людьми или умерщвлю мечом, или заберу в плен». На это отвечал император: «Песлыханнос делю, чтобы римский император кому-нибудь платил подать; он привык более требовать от других, чем вносить, получать, но не давать: но так как мы угонлены, то, чтобы мирно продолжать наш путь, я охотно готов заплатить по так называемому *мануилу* (мелкая монета с изображением византийского императора Мануила). Если же он не захочет и предпочтет пасть на нас, то пусть знает, что с большой охотой сразимся с ним за Христа и желаем с любовью к Господу или победить, или пасть». *Мануилы* же принадлежали к разряду самой дурной монеты и не имели в себе ни чистого золота, ни чистой меди, но составлялись из смешанной и ничтожной по цене массы. Посланный возвратился к своему повелителю и передал слышанное. Между тем император собрал умейших людей в войске и изложил им все дело, чтобы решить сообща, как действовать. Все сказали в один голос: «Вы отвечали превосходно и как то подобает императорскому величию. Знайте, что и мы не думаем об условиях мира, ибо нам ничего не останется, как выбор между жизнью и смертью, победой или потерей дела». Такая твердость весьма понравилась императору. С рассветом дня он поставил войско в боевой порядок. Сын его, герцог Швабский, стал впереди с отборнейшими войсками, а сам император с остальным войском взял на себя